

Завидово

Из всех сёл и деревень на пути в Санкт-Петербург нигде вы не встретите такого обилия продовольственных товаров, как в Завидово. По обеим сторонам трассы – а село это растянулось на несколько километров – стоят десятки жителей в надежде продать проезжающим часть своего урожая. Что продают? Картошку, морковь, капусту, чеснок, лук, кабачки и тыкву, свеклу, солёные огурцы и помидоры, закрученные в банках, солёные и маринованные грибы, самые разные варенья и компоты, большие желтые яички, мясо, хрен, молочные изделия, рыбу и прочее.

Чем такое изобилие вызвано – не знаю. Быть может, на редкость плодородными землями в этих местах, что, как гласит одно из преданий, приводило жителей окрестных сел и деревень к зависти: отсюда вроде бы и название села – Завидово; а может, оттого, как рассказал мне местный учитель истории Борис Иванович, что в этом селе никогда не существовала крепостная неволя.

Не было здесь и помещиков. Окрестный народ обслуживал почтовую станцию, находившуюся рядом с мостом через речку Дойбицу. Остатки этой почтовой станции были уничтожены лет пятнадцать назад, а она была здесь знатной. Например, лошадей содержалась целая сотня: в два раза больше, чем в Клину, и на тридцать, чем в губернской Твери. Так что путники в Завидове особенно не засиживались, а случай с Радищевым – явное недоразумение и еще один пример того, что писателей, журналистов и прочую пишущую братию обижать ни в коем случае нельзя. Не дашь вовремя лошадь, не нальешь доверху стакан, не примешь с улыбкой – они тут же о том напишут, и будут потом все вокруг говорить, что вот, мол, в Завидове и лошадей вовремя господам не переменяют, – а здесь-то как раз всё было в порядке.

Тут же рядом, в соседней деревне Шорново, местные умельцы – шорники мастерили различные дорожные изделия: уздечки, сбрую,

упряжь, батоги и сами шоры – этакие боковые щитки на уровне глаз животного, не дающие возможности глядеть по сторонам.

Церковь здесь знаменита тем, что в один из холодных ноябрьских вечеров 1825 года в неё привезли и оставили на ночь гроб с телом покойного Александра I. Его везли из Таганрога в Петербург. В храме до сих пор сохранился специальный постамент, на котором стоял гроб с императором, которого при жизни называли «Незримый путешественник».

Поскольку Завидово неоднократно передавалось из одного административного субъекта другому, то с архивами произошла какая-то чехарда, и сегодня уже неизвестно, когда это село возникло. Все знают, что давно, а вот когда именно, уже, наверное, никто не ответит. И в архивах, как мне сообщил все тот же учитель истории, ничего найти не удастся.

Известно село и тем, что здесь существует с еще до-революционных времен фабрика плетеных изделий. По рассказам местных жителей, главной продукцией этой фабрики была резинка для трусов – вещь столь же прозаическая, сколь и необходимая. Белая, как лапша, резинка эта была известна в нашей стране каждому и сопровождала советского человека с раннего детства до глубокой старости, потому что без отечественных трусов в СССР не обходился ни один гражданин, будь то член Политбюро или пораженный в правах осужденный. И не только на поддержание трусов шла такая резинка – а различные шаровары и куртки, а женские кофточки, юбки и знаменитые платица с рукавом-фонариком, а многочисленные детские вещи? Все это также было немислимо без упомянутой резинки. Эти обстоятельства на многие годы предопределили стабильность и высокую рентабельность фабрики, а значит, и высокий уровень жизни ее работников. Здесь не жаловались на зарплату, а кроме того, в Завидове много строили жилья, причем не только обычные деревенские избы, но и кирпичные многоквартирные дома. Построили здесь также большую современную школу и приличный Дом культуры.

Входили в завидовское хозяйство и несколько колхозов, которые при Хрущеве были объединены в огромный совхоз, чьи владения простирались на десятки километров в округе. Еще была в Завидове

фабрика ёлочных игрушек. Делали их здесь со знанием, любовью и гордостью. Один из бывших работников этой фабрики рассказывал мне, как привозили заготовки – стеклянные метровые трубки. Затем их нагревали на специальных горелках, после чего местные умельцы выдували из них всякие замечательные штучки и, пока они оставались горячими, выдавливали на них специальными штампами различные рисунки или узоры. Потом, уже вручную, раскрашивали. Получались очень красивые фонарики, разного цвета и размера шарики, эдакие смешные сосульки, уникальные стеклянные бусы и прочие радующие глаз хрупкие изделия. Их даже экспортировали за границу, в частности в Италию. Всё это было когда-то очень родным для миллионов людей, добрым воспоминанием о туманных и несостоявшихся ожиданиях...

Всему, однако, приходит конец. Здесь он наступил и неожиданно, и повсеместно. Фабрика, выпускавшая резинки для трусов, практически перестала существовать, потому что разрушился СССР и вместе с ним пресловутый «железный занавес», а развращенное Западом население надежным отечественным трусам предпочло какую-то импортную дрянь. Совхоз акционировали, и теперь он называется Коллективно-долевым предприятием (КДП), коэффициент полезного действия (КПД) которого сегодня весьма низок. От фабрики елочных игрушек не осталось и следа. Она давно закрылась, а здание уже не единожды перепродавали. Естественно, что при таких производственных потерях вопрос о рабочем месте – один из самых острых в Завидове.

Пока селяне выживают благодаря своему огородно-садовому потенциалу и за счет естественной близости к трассе Москва – Санкт-Петербург. На сколько всего этого хватит, сказать никто не берется. Во всяком случае, местные жители уже не единожды грозились выйти на трассу, чтобы остановить движение и таким образом обратить внимание начальства на свои беды.

Многие жители нашли спасение в соседней деревне Спас-Заулок, где с недавнего времени открылся небольшой винный заводик. Именуется он Акционерным Обществом «Спас». Выпускает этот «Спас» простую русскую водку, и никого это не смущает, так как винзавод действительно спасает многих жителей Завидова от нищенского существования. С учетом того, что рядом, в поселке Новозавидовском, уже есть один винзавод, можно предположить, что и само Завидово, и вся округа без алкоголя не останутся.

Что еще может привлечь внимание путника?

Может, взорвавшийся год тому назад жилой двухэтажный дом? Тогда при страшном взрыве погибли три человека и еще многие были ранены. Этот разрушенный дом так и стоит, напоминая о недавней трагедии. Огромная, красной краской выполненная надпись на уцелевшей стене гласит: «Внимание! В дом не входите! Опасно для жизни!» Интересно, надпись эту сделали до взрыва или после?

Александр Сергеевич Пушкин почему-то пропустил в своей статье это, вытянутое вдоль дороги, село. А вот Радищев здесь едва не стал жертвой традиционного начальственного произвола, когда у него хотели отобрать лошадей для следующего через Завидово какого-то крупного начальника. Тому было необходимо тотчас заменить аж пятьдесят лошадей! Для Радищева, впрочем, все обошлось, и он даже смог описать выезд высокого начальника.

«...Спор мой с гвардейским полканом (службой прибывающего начальника – авт.) прерван был приездом его превосходительства. Еще издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес поднимающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком от взоров ожидающих его, таки

громовой тучи, ямщиков. Дон-Кишот, конечно, нечто чудесное тут бы увидел; ибо несущееся пыльное облако под знатною его превосходительства особою, вдруг остановясь, разверзлося, и он предстал нам от пыли серовиден, отродию черных подобным.

От приезде моего на почтовый стан до того времени, как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целый час. Но повозки его превосходительства запряжены были не более как четверть часа... и поскакали они на крылех ветра. А мои клячи хотя лучше казались тех, кои удостоились везти превосходительную особу, но, не бояся гранодерского кнута, бежали посредственною рысью».

Современник наш, живущий в Завидове и не раз видевший эскорты нынешних «превосходительных особ», мог бы возразить: «Ах, Александр Николаевич! Разве ж это выезд?»

Представьте на миг московский Кремль в пятницу, к трем часам пополудни. Огромные, высоченные стены с характерными зубцами и башнями, одна из которых – с курантами; внутри Кремля – исторические здания и памятники старины, Царь-пушка, Царь-колокол, белокаменные соборы, а еще: особо охраняемые госучреждения, в главном из которых, на самом охраняемом этаже, в самом охраняемом кабинете, от самого главного и ответственного кресла во всей нашей Державе – отрывается самый важный зад. А надо добавить, что для очень многих служащих на той же исторической территории этот зад еще и самый дорогой и наиболее любимый. Так вот, он еще только-только оторвался, только вознамерился двинуться к услужливо открытой особо важной двери, а Тверская улица уже перекрыта и в районе Пушкинской площади автомашины простых и не совсем простых смертных стоят и безропотно ждут... Из уже упомянутого нами главного кабинета путь к самому главному автомобилю лежит через кабинет меньший, но оттого не менее важный. Мы смеем предположить, что он даже поважнее кабинета большого, из которого только что вышел обладатель счастливого зада, потому что в этом меньшем кабинете могут совершаться (и совершаются!) дела тайные и доверительные, а значит, более важные и существенные. И пока проходит по этому небольшому кабинету обладатель могущественного

зада, пока помощники и телохранители надевают на него плащ, шляпу или что-нибудь еще, улица перекрывается уже до Белорусского вокзала, до того места, где когда-то находилась Тверская застава, и даже чуть дальше... Все тише становятся улицы столицы, все напряженнее и величавее вид постовых. Он же, самый высокий начальник, в это время идет дальше, проходит по специальному, самому охраняемому коридору, входит в самый надежный лифт и, как можно предположить, опускается вниз, к машине. Но назвать это «опусканием» могут лишь люди непросвещенные, недостаточно знающие и не понимающие действительного положения вещей. Дело в том, что персоны упомянутого масштаба и величия не могут опускаться в принципе. Они всегда только поднимаются и лишь в худшем для себя случае могут очень непродолжительное время находиться в состоянии покоя. Спецлифт – как раз такой редкий случай. Правильнее предположить, что, войдя в этот лифт, они как бы на некоторое время замирают, позволяя всему остальному слегка приподняться и таким образом дотянуться до себя. Ощущение такое, что весь мир, включая Кремль с его историческими постройками, Царь-пушкой и Царь-колоколом, поднимается на соответствующий уровень. Вместе с этим миром поднимается и спецавтомобиль. Далее идет погрузка спецобъекта в спецавтомобиль, после чего к нему с разных сторон пристраиваются еще несколько автомашин с мигалками. И вот, сформированная кавалькада отправляется прямо в Завидово, на активный отдых. Впереди кортежа, километра на два, на огромной скорости едет автомобиль помельче. Он тоже снабжен спецсигналами и мигалками – это предтеча главного... С таким вот предтечей – «воином в гранодерской шапке» – столкнулся Радищев в Завидово...

Вот строчка из дневника одного выдающегося государственного деятеля: *«Завидово 4 утки – 33-я кабан – 21 таскали»*. (Орфография соблюдена). Генерал-историософ Д.Волкогонов, впервые опубликовавший сей дневник, сокрушался после этой бесхитростной записи, как теолог над кумранскими свитками: *«Что сие значит? Спросить теперь уже не у кого»* (см. Совершенно Секретно. № 5, 1994).

Да как не у кого? У жителей Завидово спросите. Ведь из начальства нашего, кто только чего здесь не «таскал»? Вот,

пожалуйста! Справа от дороги выкрашенное в белый цвет небольшое кирпичное одноэтажное здание – бывший музей В.И.Ленина. Теперь здесь библиотека, которая почему-то почти всегда закрыта. Рядом несколько посаженных елок и небольшая стела, на которой начертано:

15 - 16 мая 1920 года
в окрестностях села Завидово
находился на отдыхе и охотился
Владимир Ильич Ленин.

Спрашиваю у прохожего старика, где тут охотятся наши начальники?

– А это у нас есть такой район, специальный, в Козлово. Там они и отдыхают, – ответил старик и предупредил: – Только туда вас никто не пустит. Ленин-то здесь в Завидове уток стрелял, а эти, нынешние, подальше... Брежнев ездил на машине, а Ельцин – на вертолете летает...

– А как вы думаете, почему они так любят охотиться?

– Они не охотиться любят, а убивать. Настоящая охота – это когда ты сам выслеживаешь, подстерегаешь, стреляешь, и то если это по нужде, на пропитание, или бывает, что волков разведется много... А эти убивают для удовольствия, с жиру бесятся. Им егеря подводят зверя под самый ствол, а они только на курок нажимают. Вот и вся «охота». Я думаю, – продолжал старик, – что если у человека очень много власти и денег, то его уже никакое другое удовольствие не интересует, кроме как кого-то убивать. Людей вроде нельзя – так они животных...

Активный отдых кремлевского начальства, видимо сам того не подозревая, выразил сельский поэт. Во всяком случае, когда я увидел в местной школе его стихи, передо мной возник тучный образ высоких кремлевских охотников, а не завидовцев, стоящих на дороге в надежде продать свой урожай. Я даже склонен предположить, что это не стихи, а песня, и даже больше – это настоящий гимн, который не без удовольствия могут напевать наши начальники, выходя утром на крыльцо своей завидовской резиденции:

*Завидово. Завидово.
Завидуют ли мне?
Что я живу не в городе,
А в сельской стороне.*

*Там в городе сумятица,
Сплошная толчея...
Здесь – время будто пятится,
И молодею я.*

*Здесь и прогулки лыжные,
И летний моцион,
И нервы укрепляются,
И без кошмаров сон...*

*Завидово. Завидово.
Завидуйте же мне,
Что я не в шумном городе,
А в сельской тишине.*

Закончим главу о Завидово радищевской горькой иронией:
**«Блаженны в единовластных правлениях вельможи.
Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа им
повинуется».**

Добавить к этим словам нечего.